

ИШАН-ФЕОДАЛ ВОСТОЧНОЙ БУХАРЫ

В настоящей статье автор поставил перед собой задачу показать экономику и быт, историю возвышения и эксплуататорскую деятельность феодалов-ишанов бывшей Восточной Бухары, являвшихся одним из звеньев в общей системе эксплуатации трудящегося дехканства. В качестве конкретного примера, достаточно ярко рисующего тип эксплуататора из духовенства, избрана история семьи язгандских ишанов и, в основном, ее последнего представителя — ишана Султана.

Материалы по истории ишана Султана собирались в период 1931—1936 гг. в Тавильдаринском районе Таджикской ССР, в кишлаке Язганд, бывшем „танхо“ (ленном владении) ишана Султана, где я провел в общей сложности 14 месяцев.

Кроме того, произведены записи в кишлаках Сайдон, Лайруни-Боло и Сагырдашт.

Материалы по истории Дарваза и Вахио собраны от разных лиц, но, главным образом, от Холя Раджаба, 75 лет, жителя кишлака Зыгара, светлomu уму и ясной памяти которого я обязан получением наиболее интересных и подробных сведений, правильность которых неоднократно подтверждалась другими источниками.

Дополнительные записи произведены в кишлаке Яхак-Паст, Гармского района, летом 1936 г.

Автор

I. ДАРВАЗ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX — НАЧАЛА XX В. И РОД ИШАНА СУЛТАНА

Политическая история Дарваза (включая в это понятие не только собственно Дарваз, т. е. правое побережье среднего течения р. Пянджа, но и долину р. Хингоу) второй половины XIX — начала XX в. может быть разделена в основном на два периода: период политической самостоятельности Дарваза и период существования дарвазского бекства, входившего в состав Бухарского ханства. Рубежом, разделяющим эти два периода, следует считать зимний поход 1877 г. крупнейшего государственного деятеля бухарского эмирата того времени и завоевателя горных таджикских княжеств — Худой-Назара Аталыка. Этот поход покончил навсегда с самостоятельностью дарвазских князей.

Отсутствие в данное время письменных источников по истории Дарваза первого из указанных периодов, на ряду с тем, что немногочисленными живыми свидетелями событий этого времени являются лишь 80—100-летние старики, память которых часто уже не может правильно воспроизвести столь отдаленные события, приводит к тому, что мы теперь не

можем восстановить точно и в полном порядке фактическую сторону политической истории Дарваза до 1877 г. Конечно, не лишено возможности, что в будущем в самом Дарвазе или в других смежных с ним районах будет найдена рукописная „история Дарваза“, о существовании которой неоднократно приходилось слышать в горах, но поиски которой до сих пор не привели ни к каким положительным результатам. В настоящее время мы вынуждены пользоваться лишь теми скудными материалами, часто крайне противоречивыми, которые могли быть собраны у отдельных лиц, непосредственно видевших лично или слышавших от близких старшего поколения о том или другом событии, да отдельными свидетельствами немногих европейских путешественников, посетивших эти страны в последние десятилетия прошлого века.

Некоторые исторические подробности о Дарвазе и, в частности, о династии дарвазских „ша“ приводят в своих работах Арандаренко и Кузнецов. Работа первого „Дарваз и Каратегин“ относится к 1883 г., а работа второго „Дарваз“ — к 1893 г. Сообщение Арандаренко очень кратко; он упоминает правителей Дарваза, датируя годы их правления, и насчитывает за период 1812—1876 гг. лишь 7 правителей. Сведения Кузнецова более подробны: он делает попытку дать характеристики отдельных ша (конечно, это лишь субъективные оценки осведомителей Кузнецова) и фактические данные об их правлении; в то же время Кузнецов не пытается указывать годы правления, приводя лишь количество лет правления каждого ша, и насчитывает за тот же период, что и Арандаренко, не семь ша, а двенадцать. Ряд противоречий, встречающихся в материалах того и другого автора, примеры которых будут указаны мною ниже, заставляет крайне осторожно относиться к этим материалам.

Все дарвазские ша, правившие в XIX столетии вплоть до 1877 г., принадлежали к одному роду и являлись потомками Ша-Киргиза.¹ Этим ша временами удавалось подчинять своей власти соседние страны, в частности Каратегин, временами же военное счастье им изменяло, и под властью дарвазских правителей оставался лишь собственно Дарваз. Постоянные внутренние междоусобицы и борьба за власть между отдельными предводителями рода Ша-Киргиза ослабляли могущество Дарваза. Каждый новый верховный ша, сидевший в столице Дарваза — Кала-и-Хумбе, раздавал отдельные провинции государства своим родичам в управление. Последние также назывались „ша“, или „ша-бача“ (şah-baca)² — шахские дети. Известны случаи, когда резиденция верховного правителя переносилась из Кала-и-Хумба на берега Хингоу, в Тавильдару. Так это было, например, при Исмаил-хане.

Все наши источники упоминают о правлении ша Султан-Махмуда. По Арандаренко, его правление относится к 1837—1845 гг.; по Кузнецову, он правил в течение 9 лет. Этот последний автор рассказывает о военном столкновении Султан-Махмуда с кокандским Махмад-Али-ханом и о смерти Султан-Махмуда: „...Султан-Махмуд-ша правил 9 лет. Во время управления страной Сулейман- (здесь, очевидно, опечатка: следует читать „Султан“ Н. К.)-Махмудом-ша, кокандский хан Махмуд Мадулли-хан, поссорившись с Дарвазским ша, послал в Каратегин войско под начальством Магомет-Машира-Аталыка; произошло сражение около Гарма, и дарвазцы отступили за Сагры-Дашт. Из Сагры-Дашта Магомет-Машир-Аталык послал в Кала-и-Хумб послов с предложением Султан-Махмуд-ша ехать

¹ Ср. В. В. Бартольд, „Таджики“, сб. „Таджикистан“, Ташкент, 1925, стр. 106—107.

² В данной статье местные слова и выражения воспроизводятся на основе таджикской латиницы в местном произношении, причем в отдельных случаях для передачи диалектальных особенностей введены дополнительные знаки: дифтонги „au“ и „ou“, а также знак „э“, обозначающий звук, близкий на слух к русскому „ы“.

в Коканд к хану, в противном случае он обещался уничтожить Дарваз. Султан-Махмуд-ша поехал и по дороге в Шахи-Мардане умер".¹

Из приведенной цитаты можно вывести заключение, что во время похода кокандцев Каратегин подчинялся Дарвазу. Подтверждение этого мы находим в сообщении А. П. Федченко: „Во время похода кокандцев при Мухаммед-Али-хане, Каратегин был именно подчинен Дарвазу, так как кокандцы имели дело с тремя братьями, из которых один жил в Хаите (селении близ Сокау в Каратегине), другой — в Гарме, третий в Дарвазе“.²

У В. Наливкина мы находим следующее сообщение: „В 1250 (1834) году пришло известие, что сыновья Алим-хана, Ибраим-бек (Аталык-хан) и Мурад-бек (изгнанные Омаром) пришли из Шахрисябза в Каратегин, хорошо знакомы с положением дел в Фергане и ждут только случая, чтобы спихнуть Мадалу с трона.“

„Крайне встревоженный этой вестью, Мадали-хан послал в Каратегин отряд под начальством Ма-Шериф-Аталыка. Узнав об этом движении, оба бека снова ушли в Бухару; говорят даже, что их выслали туда сами каратегинцы, опасаясь результатов войны и надеясь избежать ее изгнанием из своей страны обоих претендентов. Ничего не зная о выше-сказанном, Ма-Шериф-Аталык продолжал наступать с возможной в этой гористой местности быстротой. Столкновение произошло около Сарыпула... Каратегинцы были разбиты и бежали в сторону Дарваза, а Каратегин экспромптом, совершенно случайно, был завоеван и присоединен к Кокандскому ханству“.³

Если приведенные сообщения Кузнецова и Наливкина относятся к одному и тому же событию, а Магомет-Машир-Аталык и Ма-Шериф-Аталык есть одно и то же лицо, то вероятнее всего, что годы правления Султан-Махмуда указаны Арандаренко неверно, тем более что в 1845 г. Мадали-хана кокандского уже не было в живых: он был зарезан бухарским эмиром Насруллой в 1842 г. Исходя из приведенных фактов кокандской истории, начало и конец правления Султан-Махмуда следовало бы отнести против дат Арандаренко, во всяком случае, на 3 года назад.

Предания говорят, что Султан-Махмуд отличался очень красивой наружностью и носил золотую корону; он распространил свою власть на Гиссар и Бухару (?). По требованию кокандского хана Султан-Махмуд выехал в Коканд, но по дороге умер от яда, подсыпанного ему в пищу приближенными.

Преемником Султан-Махмуда Кузнецов называет его брата Ахмат-ша, который вскоре был убит своим племянником Исмаил-ша, захватившим власть. По моим сведениям, преемником Султан-Махмуда явился его брат Ибрагим, отец Исмаил-хана. Как бы то ни было, преемник Султан-Махмуда правил недолго, и власть перешла к Исмаил-ша (Исмаил-хан). Арандаренко прямо называет его после Султан-Махмуда и датирует его правление 1845—1863 гг. По Кузнецову, Исмаил-хан правил страной 17 лет, причем Шугнан и Вахан платили ему дань. Арандаренко передает, что: „При Исмаиле-ша дарвазцам посчастливилось не только обратить в наместничество Каратегин с Шугнаном, но и сделать своими данниками, хотя не надолго, Кулябу с Гиссаром“.⁴

По собранным мною сведениям, история Исмаил-хана в общих чертах такова. Правитель Бальджуана Катта-бек был убит во время своего граби-

¹ Кузнецов, Дарваз, Новый Маргелан, 1893, стр. 3—4.

² Г. Юль, Очерк географии и истории верховьев Аму-дарьи, СПб., 1873, примечание А. П. Федченко.

³ В. Наливкин, Краткая история Кокандского ханства, Казань, 1886, стр. 134—135.

⁴ Г. А. Арандаренко, Дарваз и Каратегин, Военный сборник, 1883, № 11, стр. 146.

тельского налета на Гиссар. Его сын Мизроб-ша просил помощи у Исмаил-хана, желая отомстить за кровь отца. Исмаил-хан своей резиденцией сделал Тавильдару, а в Кала-и-Хумбе и Гарме наместниками были его сыновья. Он отправился с войском в Гиссар, взял Файзабад и поджег Дюшамбе. Правитель Гиссара бежал. Исмаил-хан разграбил Гиссар, отвел пленников, мужчин и женщин, вместе с награбленным имуществом (скотом) в Куляб. Он решил сделать Куляб скотоводческой базой для Дарваза. Вернулся Исмаил-хан в Тавильдару с богатой добычей. Через некоторое время Мизроб-ша умер,¹ а его младший брат Сара-бек стал правителем Куляба и Бальджуана. Правитель Гиссара Абдуль-Карим-бек предложил ему забыть старые распри и двинуться вместе против Исмаил-хана. Сара-бек согласился. Союзники осадили застигнутого врасплох Исмаил-хана в тавильдаринской крепости. Шахбача Ша-Дарваз, сын Исмаил-хана, был в это время с отцом в крепости. В результате осады Исмаил-хан был вынужден сдаться на милость победителя и был отведен в Гиссар вместе с женами, детьми и имуществом.

Узнав о пленении Исмаил-хана, дарвазская знать убила его сына Юсуф-хана, бывшего наместником в Кала-и-Хумбе, и труп его бросила в Пяндж. По преданию, труп был выловлен правителем Кабадиана и доставлен к отцу в Гиссар.² Вскоре правитель Гиссара выгнал Исмаил-хана и его семью в Афганистан, отобрав все его имущество. После двухлетних скитаний Исмаил-хан умер в Бадахшане, а его сын Ша-Дарваз пробрался на Вандж и через некоторое время двинулся на Кала-и-Хумб.

Следующим дарвазским ша Арандаренко называет сына Исмаил-хана Ша-Дарваза, датируя его правление 1863—1870 гг., в то время как Кузнецов называет Ибрагим-ша, сына Султан-Махмуда, совершенно не упоминая Ша-Дарваза.

Эти противоречивые сведения могут быть истолкованы лишь таким образом, что за указанный восьмилетний период правителями Дарваза побывали и тот, и другой. Действительно, по собранным мною материалам дело обстояло следующим образом. Во время скитаний Исмаил-хана, правителем Дарваза стал его двоюродный брат Ибрагим-ша. После того как Ша-Дарваз из Ванджа вместе со своими приверженцами двинулся на Кала-и-Хумб, Ибрагим-ша бежал через Дарвазский хребет и с людьми из Тавильдары укрепился близ Сагырдашта, в то время как Ша-Дарваз занял сагырдаштскую крепость. Здесь произошло единоборство на копьях между двумя богатырями: Яксучи — со стороны Ибрагима и Мира Михтоджа — со стороны Ша-Дарваза.³ Затем противники разошлись: Ша-Дарваз вернулся в Кала-и-Хумб, а Ибрагим-ша ушел в Тавильдару. Через год Ша-Дарваз явился в Тавильдару и осадил запершегося в крепости Ибрагима. После состоявшихся здесь переговоров Ибрагим-ша согласился покинуть пределы страны, а правителем Дарваза стал Ша-Дарваз. Если факт вмешательства в эту междоусобную войну ишана Мир-Афзаля, дяди ишана Султана, о чем будет речь ниже, заслуживает некоторого доверия, то изгнание

¹ А. Н. Болдырев указал мне, что в рукописи *تواریخ منظومه* Komī, находящейся в Гос. Публичной библиотеке Таджикской ССР (№ 446), имеется хронограмма смерти Мизроб-ша (лист 191 рукописи), согласно которой это событие произошло в 1266 г. хиджри, т. е. в 1849/50 г.

² Предание рассказывает, что Исмаил-хан имел бороду длиной в три ладони. При получении известия о гибели Юсуф-хана он обрезал ее на одну ладонь, а после того как увидел мертвого сына, — еще на одну ладонь. Присутствовавший при этом гиссарский правитель заметил: „Вот ты печалишься о своем сыне, а сам ты сколько людей убил; их родственники разве не печалются о них?“

³ Мир Михтодж — отец Фруза и дед Гайратшо и Диловаршо, известных дарвазских феодалов, а затем в эпоху гражданской войны — басмаческих главарей.

Ибрагим-ша следует отнести никак не позднее 1867 г., с большей или меньшей вероятностью — к году смерти ишана Мир-Афзала.

Таким образом середина шестидесятых годов была заполнена борьбой детей Султан-Махмуда и Исмаил-хана, представителей двух ветвей одного и того же рода. Свидетельство Кузнецова, что „братья Ибрагим-ша взбунтовались и выгнали его из Дарваза в конце 3-го года управления страной“, может быть понято как эпизод борьбы между „бачаи-амаками“ (басаји-амак) — двоюродными братьями, так как горные таджики часто понятие „бачаи-амак“ заменяют понятием „биор“ — „братья“.

Следующим крупным политическим событием, затронувшим, правда, лишь долину Хингоу, было новое нашествие Сара-бека кулябского, конечной целью которого являлся Каратегин; относится оно к 1868 или 1869 гг. Но уже очень скоро как Куляб, так и Каратегин должны были закончить свое самостоятельное существование и подчиниться Бухаре. В Дарвазе же власть снова переходит к ветви Султан-Махмуда, и правителем (по Арандаренко, с 1870 г.) делается его сын — Сироджидин-хан. К этому же периоду в Тавильдаре приурочиваются еще имена и других правителей, повидимому, родственников той или другой ветви шахского рода и подчиненных главному правителю. Так, говорится об Искандерхане,¹ сыне Исок-хана, правившем в долине Хингоу, о шахе Якуб-хане (повидимому, сыне Ша-Дарваза), Мухаб-хане и др.

Более определенно можно говорить о том, что при Сироджидин-хане в Тавильдаре его заместителями являлись сначала младший брат Сулейман-ша (его могила, так же как и могила Ша-Дарваза, находится в кишлаке Лангар, близ Тавильдары), а затем сын Сироджидина — Афзаль-хан. Хотя при Сироджидин-хане Дарваз оставался еще самостоятельным, но все же, повидимому, этот правитель должен был давать систематические подарки и подношения эмиру Музаффару (Кузнецов, Арандаренко, Ошанин).

Вероятно, что Сироджидин-хан еще до взятия Дарваза Худой-Назаром был задержан эмиром и содержался в Бухаре, хотя Кузнецов и говорит, что Сироджидин-хан сам воевал в Дарвазе, после чего бежал в Коканд к Худойор-хану и лишь впоследствии был выдан эмиру, а В. Ф. Ошанин² утверждает, что ша попался в плен и был отвезен в Бухару. Напомним здесь, что версия Кузнецова не может считаться достоверной, так как в 1877 г. Кокандское ханство уже не существовало, а Худойор-хан находился в русском плену.

Зимний поход Худой-Назара на Дарваз отличался большими трудностями, так как зима 1877/78 г. была необычайно снежная и пришлось пробираться через глубокие снега на перевале Гишун. Войска Худой-Назара долго стояли на северных склонах Дарвазского хребта в кишлаках Сафед-санг и Пастеляк. Воинственные дарвазцы пытались, повидимому, вести и наступательные действия. Так, рассказывают о том, что ша-бача Мавджуд-хан, двоюродный брат Сироджидин-хана, пришел из Дарваза к Пастеляку и дал битву Худой-Назару. Дрались при помощи местных ружей — „камон“ (камон), ножей и пик. Мавджуд-хан бежал, но был схвачен людьми Худой-Назара. В результате Дарваз был занят. Афзаль-хан бежал в Фергану. Но окончательно подчинить Дарваз уда-

¹ В Каратегине (кишлак Хисорак, рассказчик Холь Азим) мною записано, что у Музаффар-хана, шаха Каратегина, на горном пастбище Бозирак (хребет Петра I) произошла битва с шахом Вахио Искандером, в результате которой последний попал в плен и содержался в кишлаке Дуова (Каратегин, Хыныч) вплоть до прихода Сара-бека, после чего бежал.

² В. Ф. Ошанин, Каратегин и Дарваз, Изв. Русск. Геогр. общ., 1881, т. XVII, вып. 1, стр. 52—53.

лось лишь после того, как остатки дарвазского войска были разбиты близ кишлака Кеврон, выше Кала-и-Хумба по Пянджу. Со стороны дарвазцев здесь особенно отличился один из военачальников — саркарда Оламюн, и только его смерть обеспечила бухарцам победу. Но еще долгое время бухарские гарнизоны стояли в Кала-и-Хумбе, опасаясь нового возмущения дарвазцев.

После завоевания и окончательного присоединения к Бухаре Дарвазом стали управлять бухарские наместники — беки, или, как их называло местное население, „миры“ (miri Darvoz). Вся долина Хингоу входит также в дарвазское бекство, причем разбивается на 4 амлокдорства (amlokdor) — Сагырдашт, Тавильдара, Чильдара и Лоджирк, соответствующие делению населения долины на племенные группы — сагырдашчи, туркийя, хлос и вахиочи. Вероятно, этому же племенному принципу подчинялось и административное деление времен шахов. Так, нам известно о существовании отдельного правителя — шах-бача — в Вахио-Боло, имевшего резиденцию в Лоджирке.

Долина р. Хингоу — одно из живописнейших мест Таджикистана — покрытая почти сплошь лесом и зарослями кустарника, во времена шахов, повидимому, была очень редко заселена. Старики передают, что в те времена на всем нижнем течении р. Хингоу существовали лишь немногочисленные кишлаки — Чильдара, Пашор, Язганд. В виду больших расстояний, отделявших кишлаки один от другого, шахи освобождали от налогов население некоторых из них, заставляя лишь обслуживать проезжающих: выставлять для них угощение — „дастархан“ (dastarxon) и кормить их лошадей. Господствовало почти целиком еще натуральное хозяйство, торговля была в зачатке, стесненная постоянными междоусобицами и опасностью разбойничьих нападений на дорогах.

Вся необработанная земля считалась шахской — „замини шохи“ (zamini shohi). Земли было много; всякий, желавший поднять целину — „ям кандан“ (jalm kandan), мог это сделать. Купли-продажи земли почти не существовало. Налоги и повинности, падавшие на дехканство при шахах Дарваза, были менее обременительны, чем в последующий период. Давали „ушр“ (ushr) — $\frac{1}{10}$ долю урожая, 1 таньга „подшо пули“ (podshoh pūli),¹ „амаль“ (amal) — 1 барана с хозяйства в год, „хезум“ (hezum) — 3 воза дров, „дудуна“ (duduna) — 1 „карбос“ (karbos — 4 м местной ткани). Шахи и их приближенные гоняли население на охоту на горных козлов, а также на соколиную охоту, устраиваемую для забавы. При шахе находилось несколько десятков человек местной знати — „саркарда“ (sarkarda), жившей близ шахского кургана. За военные доблести саркарда получали от шахов „джилду“ (çildū) — земли и „танхо“ (tanxoh) — отдельные хозяйства дехкан или целые кишлаки в ленное владение, обязанные им уплатой налогов. По размерам танхо в те времена не были так велики, как впоследствии. Земля самого шаха, так же как и земля саркарда, обрабатывалась дехканами посредством барщины. Помимо саркарда, из среды населения назначались „наукары“ (naukar), освобождавшиеся от уплаты налогов, но обязанные выполнять различные поручения шаха (доставка писем, доставка в крепость провинившихся лиц, участие в охоте и пр.).

Со времени завоевания Дарваза Бухарой страна все больше и больше начинает втягиваться в орбиту товарного хозяйства, причем существовавший ранее патриархальный уклад жизни постепенно разрушается. Сделавшись эмирскими подданными, население Дарваза, естествен-

¹ Этот налог ведет свое происхождение будто бы от тех времен, когда взималась таньга в пользу правителя Балха. Местами брали и другие натуральные налоги: веревку — „банд“ (band), сыр — „крут“ (qrut), масло — „раугани зард“ (rauçani zard), железо для подков — „наль пули“ (na'l pūli), шерсть — „пашм“ (paşm), тутовую ягоду и т. п.

но, должно было платить больше, чем прежде, чтобы удовлетворить как потребности эмира, его двора и бухарской знати, так и потребности знати местной, не только не сошедшей со сцены, но получавшей от эмира бухарские чины и все новые и новые танко. Амаль начинает взиматься уже деньгами, что, вследствие ничтожного количества денег в обращении и их дороговизны, увеличивало тяжесть налога.¹ Вследствие роста народонаселения, а также вследствие захвата феодалами значительных массивов земли, последняя начинает цениться все более и более и становится объектом купли-продажи.

Система управления мало изменяется. Саркарда получают бухарские чины и звучные титулы, но в то же время теряют свою военную доблесть, ставшую уже ненужной, и становятся еще большими паразитами, бесцельно проводящими целые дни в приемной амлокдора или в своем кишлаке. Их боевое оружие, в лучшем случае, украшает лишь стены дома. Подарки правителям в Тавильдаре или в Кала-и-Хумбе, а со стороны более знатных и самому эмиру, сулят новые чины и новые пожалования. Количество наукаров в кишлаках также увеличивается. Крупные феодалы в своих кишлаках-танко заводят собственную администрацию, образуя как бы государство в государстве.

Эти феодалы настолько уже перерастают местные узкие рамки, что перестают считаться с правителями — амлокдорами, считают себя равными по могуществу дарвазским бекам и ездят уже непосредственно в Бухару к эмиру. В качестве примера можно привести Мирзо Бузурга из кишлака Хур, а также семью язгандских ишанов.

* * *

Ишан Аулио, дед ишана Султана, был родом из небольшого горного кишлака Сайдон, затерявшегося в складках массивного, в верхней своей части совершенно безлесного Дарвазского хребта. Кишлак Сайдон расположен в 1½ км от Сагырдашта, где некогда находилось амлокдорство. Об отце ишана Аулио известно лишь то, что он был из „сеидов“ (sejid) т. е. людей, считавшихся потомками пророка, что звали его Румат и что впоследствии он был сделан своим сыном „халифой“ (см. ниже). Все жители кишлака Сайдон, который и сейчас насчитывает лишь 18 хозяйств, принадлежали к одному „кауну“ (qanun) — роду, так же как и семья ишана Аулио.

Настоящее имя ишана Аулио — Мирзо Рахим. Сперва он жил в своем родном кишлаке, ничем не отличаясь от односельчан, а затем отправился в Кандагар, где поступил в услужение к одному ишану по имени Ахун-соиб. Предание рассказывает, что уже под началом своего „пира“ (pir) — наставника Аулио достиг такой степени религиозного совершенства, что стал творить чудеса. Так, предание утверждает, что однажды, поливая посевы своего учителя, Аулио никак не мог подвести воду на один участок, бывший несколько выше других; тогда он с молитвой взошел и лег на это место, и вода пошла за ним. Легенда передает также, что Ахун-соиб умирая сказал: „aulijogiro va ešoniro mullo kuhistonî kuhiston burd“ (ишанство и святость кухистанский мулла унес в кухистан), после чего другие ученики старца пошли в Сайдон и поведали людям о святости Аулио. По другим преданиям, Аулио покинул Кандагар лишь после смерти своего пира и был прославлен детьми.

¹ В Хлозе одно время существовал обычай, когда дехканин, приходя для уплаты налога, в одной руке держал деньги — 5 таньга, а в другой — на веревке барана, и лицо собиравшее налог, брало по своему усмотрению то или другое.

последнего, когда они выросли и узнали от матери, что отец завещал им пойти служить к ишану Рахиму. После возвращения из Кандагара Аулио, уже ставший ишаном, некоторое время, повидимому, жил в Сайдоне, а затем переселился сперва в кишлак Сафедорон, а потом — в Дара-и-Джу. Сафедорон — большой кишлак, находящийся на том же Дарвазском хребте, а Дара-и-Джу расположен в нижнем течении р. Хингоу. Тот и другой кишлаки были родиной двух жен Аулио, дочерей Шо-Носыра из Сафедорона и Сафоля из Дара-и-Джу. В течение этого периода его жизни, составившего не менее 10 лет, ишан Аулио, вероятно, приобрел большой религиозный авторитет и завербовал много последователей — „мюридов“ (murid), так как следующим этапом в его жизни было пожалование ему шахами в собственность огромной земельной территории, на которую он переселил своих людей из Сайдона и других мест. А именно, он получил участок земли по левому берегу р. Хингоу, протяжением километров в семь, расположенный ниже Тавильдары. Границы этого участка определялись р. Хингоу, речками Оби-Зыгара и Оби-Джирог и гребнем гор, заходящим уже в полосу вечного снега. Лучшая часть этой территории, называвшаяся „Молиун“ (Moljun), принадлежала язгандцам, кишлак которых находился на противоположном берегу реки и которые имели здесь свои пахотные земли. Эту землю язгандцы согласились отдать ишану „мафлюкалам“ (mafliqalam), т. е. при том условии, что они сами будут освобождены шахами от всех повинностей и налогов, за исключением ушра. Язгандцы, якобы, добровольно согласились на такую сделку, но если мы примем во внимание, что Молиун составляет около 60 га лучшей пахотной земли Язганда, то вряд ли в действительности это так было.

Мюриды Аулио, пришедшие с ним, построили себе и своему пиру дома на том месте, где сейчас находится кишлак Калпак, почти напротив Язганда, несколько выше его по течению, где Хингоу образовала небольшую террасу, и стали обрабатывать для него землю.

По некоторым сведениям, шахом, пожертвовавшим землю ишану Аулио в „назр“ (nazr — приношение святому), был Исмаил-хан. О близких отношениях ишана с этим ша рассказывает следующее предание. Когда Абдуль-Карим-бек гиссарский и Сара-бек кулябский осадили в Тавильдаре Исмаил-хана, то долго не могли взять крепость и послали в Калпак к Аулио спросить его совета. Ишан ответил, что в кровопролитии он не хочет участвовать и что нужно уладить дело миром. Тогда Абдуль-Карим-бек велел убить собаку и бросить ее в Хингоу, говоря: „eʒon obi harom bixura“ („пусть ишан попьет оскверненной воды“). В ту же ночь он видел сон, что сгорел вместе со своим войском. Тогда он лично отправился к ишану, произнося многочисленные „тауба“ (tauba — раскаяние), и обещал не лишать жизни Исмаил-хана, на каком-либо условии последний и сдал крепость.

Во всяком случае известно, что ишан Аулио получил также от шахов в танхо кишлаки Сайдон, Чихкак, Дара-и-Джу и несколько хозяйств в Сафедороне, которые платили ему ушр. Любопытнее всего здесь то, что в танхо ишану Аулио давались те кишлаки, население которых являлось ему родственниками или свойственниками. Так, Сайдон был дан ему в танхо, как „кауни падараш“ (qauri padarash) — род отца, Дара-и-Джу и Сафедорон — как „кауни хысыраш“ (qauri xesirash) — род тестя; жители Чихкака приходились родственниками сайдонскому кауну, вследствие чего ишан получил и Чихкак.

Еще при жизни Аулио шах Якуб-хан выдал свою дочь Ви-Мо-подшо замуж за сына ишана Аулио, ишана Шейха „в назр“, а вместе с ней в „назр ба думодаш“ (nazr ba dumodash) — „в назр своему зятю“ — в танхо

и кишлак Дашти-Хасан, расположенный на левом берегу Хингоу, ниже кишлаков Калпак и Джирог. Дашти-Хасан также платил ишанам ушр.

При каких обстоятельствах ишан Аулио оказался в Каратегине, — неизвестно. Был ли он приглашен туда шахами, или отправился по собственной инициативе с целью вербовки мюридов? Во всяком случае, в конце шестидесятих годов, странствуя по Каратегину, он остановился в кишлаке Шархо. Население соседнего кишлака Яхак-Паст, желая найти в столь почтенном и святом человеке защиту „аз зульми шохо“ (az zulmi ŝoho) — от притеснений шахов, пригласило его к себе, дало участок земли и построило ему дом. В Яхак-Пасте в то время было всего десяток или несколько больше хозяйств. Дехкане приносили ишану также в назр скот, дрова. К ишану стали стекаться переселенцы — его мюриды из долины Хингоу, которых он стал сажать на землю, заставляя платить ему ушр и работать на себя. Но вскоре ишан Аулио выгнал из кишлака всех местных жителей, когда-то пригласивших его к себе и оказавших ему гостеприимство, а их землю и дома отдал своим мюридам. Лишь после смерти ишана Аулио изгнанникам разрешено было вновь вернуться к себе на родину, уплатив шаху Музаффар-хану по 5 тилло (золотых) с каждого хозяйства. Мы не будем здесь говорить о причинах и поводах к таким действиям ишана, так как этого вопроса, равно как и многолетней вражды между ишанами и яхакпастцами мы коснемся в следующей главе.

В течение последних 9 лет своей жизни ишан Аулио часть года проживал в Яхак-Пасте, другую часть года — в долине Хингоу, в Вахио. Умер он в Яхак-Пасте в 1284 г. хиджры, т. е. в 1867 г. н. э. На его похоронах присутствовал каратегинский ша Музаффар-хан. Его гробница — „мазор“ (mazor) — находится в Яхак-Пасте и сохранилась до нашего времени. Пришедший в Каратегин вскоре после его смерти Сарабек кулябский из уважения, а может быть, и из боязни ишанов запретил своим людям трогать Яхак-Паст.

У ишана Аулио было 7 сыновей: Мир-Афзаль, Махмад-Обид, Шейх, Мирзо, Шарафуддин, Халифа, Мавлеви.

Ишан Мир-Афзаль скончался в Калпаке через несколько месяцев после отца. Существует версия, что он, якобы, был отравлен своей женой, также шахской дочерью, любившей младшего брата своего мужа ишана Шейха и действовавшей по советам последнего. Мир-Афзаль, старшему в роде после своего отца, приписываются деяния, аналогичные деяниям отца. Так, он содействовал переговорам между Ибрагим-ша и Ша-Дарвазом, добившись сдачи тавильдаринской крепости первым второму и соглашения между ними, по которому Ибрагим-ша ушел в изгнание. К этому прибавляют, что Ша-Дарваз был мюридом ишана Мир-Афзала.

Вскоре после смерти Мир-Афзала в Калпаке с гор прошел грязевой поток, разрушивший кишлак. Современники приписали это стихийное бедствие смерти обоих ишанов. Старшим в семье теперь оставался ишан Махмад-Обид. Но вскоре из Гиссара прибыл ишан Шейх, сумевший путем подарков и взяток добиться расположения правителей и захватить в свои руки значительную долю владений своего отца. Ишан Махмад-Обид со своей семьей ушел и поселился в Кулябе.

В описываемый момент кишлак Язганд находился в качестве танхо у крупного саркарда Изатшо. Мать последнего была „дойя“ (doja) — кормилица — у одного из шах-бача. Изатшо был очень близок к тавильдаринским шахам, был неизменным участником их охотничьих забав и получал от шахов много подарков, землю, танхо.

Остается невыясненным, был ли Язганд в танхо у Изатшо уже во время передачи ишану Аулио Молиуна, или попал к нему после. Обе эти версии

заслуживают интереса. Если верна первая версия, то перед нами любопытный пример умаления ленных прав одного феодала в пользу возвышающегося другого. Ведь если Язганд был, к моменту отдачи Молиуна ишану, танхо Изатшо, то все налоги и повинности язгандцев шли в пользу последнего, и, освобождая язгандцев от них, шахи лишали Изатшо доходов с Язганда, оставляя ему только ушр. Если же верной является вторая версия, то мы сталкиваемся с прямым обманом язгандских дехкан, пожертвовавших землей для освобождения от налогов и затем вновь отданных в танхо Изатшо.

Как бы то ни было, но вскоре после разрушения Калпака ишан Шейх заключает не совсем обычную сделку: он меняет с Изатшо принадлежащий ему Дашти-Хасан на Язганд и переходит на жительство в Язганд. Таким образом Язганд попадает в руки ишана Шейха за исключением тех хозяйств, которые принадлежат к кауну Миро, из которого родом был Изатшо: родственники Изатшо остаются в танхо у него самого.

После присоединения Дарваза и Каратегина к Бухаре могущество и влияние ишана Шейха возрастает. Он получает новые танхо и земли и приобретает новых мюридов. В результате, кроме Чихкака, Сайдона, домов в Сафедороне, Яхак-Паста, Язганда и Дара-и-Джу, ишан Шейх владеет в Вахио кишлаками Джирог, вторым Дара-и-Джу, Фаркушоды, Дехи-Та, Лайруни-Боло, а также отдельными хозяйствами в Хамдаре, Чашмаи-Кабуде, Сары-Селе, Руботноле, Шуре, Чильдара-Боло, Иштиуне, Арганкуне и Пуштароге, а также получает новые танхо в Гиссаре — кишлак Ян-Курган. Во многих из этих кишлаков он становится владельцем больших наделов пахотной земли.

II. ИШАН СУЛТАН — КРУПНЫЙ ФЕОДАЛ

У ишана Шейха было четыре жены, от которых он имел шесть сыновей и двух дочерей. Одна из его жен была дочерью шаха, вторая — Халифа — приходилась родственницей ишану Шейху, так как ее отец, калайхумбский чиновник Мулло Рахим, был дальним бачаи-амаком Шейху. Его третья жена была родом из Каратегина (кишлак Дашти-Евар), а четвертая — из Гиссара (Роумит). Первая из них постоянно жила в Язганде, Халифа жила попеременно то в Язганде, то в Яхак-Пасте, третья жена постоянно жила в Яхак-Пасте, и четвертая — в Ян-Кургане. Таким образом, переезжая в течение года из одного поместья в другое, ишан Шейх поочередно навещал своих жен. Сыновей его звали: Султан, Алауддин, Хайдар, Шо-Рахматулло, Ходжи и Сулейман, и дочерей — Ви-Наск и Ви-Мушк. Обе последние были выданы замуж за родственников из того же ишанского рода, так как ишаны считали себя сеидами и своих девушек за посторонних замуж не выдавали.

Ишан Султан родился от Халифы в Яхак-Пасте, где и прожил лет до десяти, после чего был перевезен в Язганд. Родился он, вероятно, в конце семидесятых или начале восьмидесятых годов XIX в. н. э., так как к моменту революции в Восточной Бухаре ему было лет сорок пять. Учился он в Язганде вместе с братьями у муфтия Мулла Хайта и муллы Назара, отдельно от других язгандских детей. Когда ишану Султану исполнилось 12 лет, ему дали в жены девушку Гуль-Бухор из ишанского рода в Кулябе.

К моменту смерти своего отца ишан Султан, повидимому, был уже совершеннолетним. Перед смертью ишан Шейх благословил его в ишаны. Вскоре после этого братья Султан, Алауддин, Шо-Рахматулло и Хайдар предприняли паломничество (хадж) в Мекку, потратив на это путешествие около года.

Сделавшись после смерти отца старшим в семье, ишан Султан должен был подумать о поддержании престижа своего ишанского рода, а также и всего большого хозяйства, оставленного ишаном Шейхом. Действительно, хлопот у него оказалось немало. По имеющимся у нас сведениям, во время хаджа ишанов, дарвазский бек распорядился отобрать у ишана Султана Язганд и другие кишлаки в Вахио. Из Кала-и-Хумба был прислан специальный есаул, который хозяйничал в бывших владениях ишанов. Передают, что лишь после трехгодичных хлопот, во время которых ишану Султану пришлось доставать соответствующие документы и доказывать, что он „авлоди“ (avlodi) — знатный, потомственный — и сеид, он смог отстоять и вернуть себе все или почти все кишлаки, принадлежавшие ранее его отцу. За ним остаются основные и главные танхо ишанов — Язганд, Яхак-Паст и Ян-Курган, а также и другие, перечисленные выше в первой главе. Мы узнаем также, что у ишана Султана в танхо в Каратегине находились кишлаки Фолюма (50 хоз.), Бодравак и отдельные хозяйства в кишлаках нынешнего Хайтского района. Правда, после смерти ишана Шейха Яхак-Паст был разделен между его сыновьями, но все же подавляющая часть хозяйств Яхак-Паста осталась за ишаном Султаном.

На протяжении многих лет, вплоть до крушения бухарского эмирата, незадолго до чего ишан Султан получил непосредственно от эмира чин „судура“ (sudur), влияние и сила ишана Султана непрерывно растут, несмотря на происки его многочисленных врагов, местной тавильдаринской, кала-и-хумбской и каратегинской знати. Это от них ишан Султан получил прозвище „ишони пой лич“ (eşoni poj lic) — „босоногий ишан“, выскочка, не имевший возможности, подобно им, похвалиться своей родовитостью.

Но ишан Султан неуклонно продолжал подниматься по лестнице почестей и богатства. Когда у него происходили недоразумения с местными чиновниками и когда на него писались доносы, он ехал в Кала-и-Хумб к беку, в Гиссар, в Бухару к эмиру, возил богатые „туртуки“ — подарки, задабривал и привлекал на свою сторону людей, имевших возможность в нужный момент сказать нужное слово правителю, родился с последними, выдавая за них замуж, вопреки сеидским традициям, девушек из ишанского рода, и, в конце концов, почти всегда добивался успеха. Из Бухары или из Гиссара присылался особый уполномоченный — „махрам“ (mahram) — для разбора ишанских тяжб. Ишан Султан оказывал ему роскошный прием, такой, какой только возможно было устроить в горном Язганде или в Яхак-Пасте, делал ему ценные подарки, в числе которых были золото, а также медвежьи и куньи меха, и дело решалось в пользу ишана.

* * *

Ишан Султан, так же как его отец и дед, принадлежал к ишанам толка „хуфийя“, т. е. был „молчальник, прославляющий бога тайно“.¹ В мою задачу не входит подробный разбор среднеазиатского суфизма и изложение основ этого религиозно-мистического учения. Я остановлюсь здесь лишь на некоторых внешних моментах, имеющих непосредственное отношение к теме.

Передают, что количество последователей язгандских ишанов-мюридов было чрезвычайно велико. Мне называли различные цифры, начиная от 500—600 человек и кончая несколькими десятками тысяч. Вполне естественно, что никакого точного учета числа мюридов не существовало. Но мне думается, что количество их доходило до нескольких тысяч. Прежде всего, следует предположить, что подавляющее большинство

¹ В. И. Масальский, Туркестанский край. Россия, т. XIX, 1913, стр. 356.

„бына“ (вэпа) — ленных хозяйств — ишанов являлось их мюридами. Известно, что язгандские ишаны имели мюридов не только в Вахио и Каратегине, но и в Дарвазе, Гиссаре, Кулябе и Бадахшане. Известно также, что ишан Шейх имел мюридов значительно больше, чем его сын.

Полнейшая безграмотность населения, темнота, религиозное суеве- рие — все это создавало богатую почву для распространения мюридизма.

Многие приходили к ишану и становились его мюридами, желая изба- виться от мучивших их болезней. Ишан Султан, так же как и его брат, ишан Хайдар, были „хоким“ (hokim) — знахари, лечили по книгам, писали амулеты — „тумор“ (tumor), читали „дуо“ (du'o) молитву. Приводили к ним также и помешанных. Других гнала нужда: они рассчитывали остаться среди многочисленной дворни ишана, прислуживать ему или исполнять какую-либо черную работу, питаясь остатками обильного стола ишана. Третьи приходили с целью стать мюридами ишана Султана, чтобы полу- чить защиту от других эксплуататоров, в случае нужды апеллируя к своему „пиру“.

Каждый, приходивший к ишану для посвящения в мюриды, приносил ишану назр — религиозное подношение. Без назра никто не являлся, причем величина назра зависела от степени богатства пришедшего, экстра- ординарности случая или религиозного фанатизма данного субъекта. При- носили в назр быков, коров, лошадей, мелкий скот, зерно; приносили даже по 2—3 пшеничных сдобных лепешки. Назр передавался в руки „есаула“ (esaul) — приближенного к ишану лица; вновь посвящаемый получал благо- словение, несколько советов и ответный подарок ишана — „табарук“ (tabaruk). Табарук, естественно, изменялся в зависимости от величины назра и, конечно, по ценности был меньше последнего. Давался халат, один или два „либоса“ (libos) — отрез ситца или сатина на рубашку, тюрби- тейка и т. п. Получивший табарук обычно бережно хранил его, надевая лишь во время намаза.

В назр ишану посвящали также и молодых девушек. Такая девушка, обычно, до замужества оставалась жить в доме отца, но не могла быть выдана замуж без ведома и согласия ишана. Последний мог взять ее себе в жены или выдать замуж за кого-либо из своих слуг или приближенных. Если же ишан предоставлял отцу право выдать девушку замуж по усмо- трению последнего, то в пользу ишана шел полностью или частично калым, платимый отцу девушки семьей жениха.

При ишане Султане постоянно находилось несколько десятков чело- век старцев или вообще благочестивых людей — „суфи“ (sufi), „муйсафед“ (mujsafed), собиравшихся слушать его рассуждения. Ишан проводил с ними время за молитвой, чтением книг, толкованием прочитанного. Особо ревностных и благочестивых людей ишан посвящал в „халифа“ (halifa) — наставники, давал им благословение, после чего они сами уже могли вербовать себе мюридов. Во время ишана Шейха в Язганде, в особой молельне „хонако“ (хонақоһ) непрерывно пребывало 5—10 человек, гото- вившихся к посвящению. Сорок дней они проводили в затворничестве, никому не показываясь, получая от ишана „вазифа“ (vazifa) — религиозное поручение. По окончании срока они посвящались в халифа, становясь „сохиби вазифа“ (sohibi vazifa), т. е. имеющими право давать другим религиозные поручения. Халифа приглашали ишана к себе в гости, устраи- вали богатое угощение, раздававшееся всему населению данного кишлака. В ответ на это население кишлака делало приношение ишану.

Халифа становились также разведенные жены ишана. Они должны были проводить остаток своей жизни в безбрачии и получали содержание от ишана. Обычно ишаны давали развод своим женам, если хотели взять новую жену сверх разрешенных религией четырех.

Ишана Султана приглашали также его мюриды в случае каких-либо семейных событий — свадьбы, похорон. В таких случаях ему отводилось отдельное помещение, где он сидел с пятью-шестью старцами, читая молитвы. Ему посылались различные приношения.

Некоторая часть мюридов оставалась на время при ишане, выполняя разные работы: ремонт и постройку зданий, устройство сада, доставку дров на ишанский двор. Все находившиеся при ишане люди, в зависимости от своего общественного положения, получали то или другое пропитание. Почетные гости и почтенные старцы ели плов, другие суп, третьи похлебку „аталя“ (atala), наконец, беднота, сидевшая в отдалении, довольствовалась одним хлебом или ела „та-и табак“ (tahi tabaq) — вылизывала из блюд и тарелок остатки пищи. Эта раздача пищи происходила за счет части тех назров, которые поступали на ишанский двор.

Религиозный авторитет ишана Султана в Вахио в глазах забитого населения был необычайно высок, хотя не успел еще облечься в такие легенды, какие были созданы вокруг его отца и деда. Рассказывали, что Аулио мог заставлять сохнуть или вновь распускаться деревья, а ишан Шейх своей молитвой мог убивать людей. По ночам в хонако к ишану Шейху являлись два тигра, получавшие от него благословения. Их сопровождали куница — „даля“ или барсук — „кашкальдок“, предупреждавшие о приходе тигров криком: „ha, hu, ha, hu“. В течение ряда лет после смерти ишана Шейха язгандды, якобы, видели по ночам на его могиле зажженные кем-то таинственные светильники. Естественно, сами ишаны, духовенство и другие представители класса феодалов поддерживали в народе все эти суеверия.

Поэтому всякое появление ишанов в массах, особенно при переездах с места на место, вызывало скопление людей, жаждавших посмотреть ишана, получить от него исцеление или удостоиться его благословения. Переезды ишана Султана из Язганда в Якак Паст обставлялись необычайно торжественно. Два дня пути растягивались в недельные путешествия, так как ишан останавливался на ночлег в целом ряде кишлаков — Р, ботноле, Шуре, Чильдаре, Дамоу и др. Свита ишана Султана состояла из нескольких десятков людей. Из каждого кишлака почти все население, во главе с духовными лицами, выходило „пешвоз“ (peşvoz) — навстречу. Мечеть заранее оказывалась убранной и устланной коврами и кошмами. Устраивалось торжественное угощение. Здесь же толпа, сдерживаемая есаулами, ожидала благословения. Приносились неизбежные назры мюридами, подползавшими к своему пиру на коленях; ишану посвящали своих дочерей и сыновей. Помещение мечети не вмещало всех желавших туда попасть. Лишь далеко за полночь ишан Султан удалялся в особое, приготовленное для него, помещение, чтобы утром снова предстать на молитве в переполненной мечети.

* * *

Язганд находится в 7 км от Тавильдары, вниз по течению р. Хингоу, на правом ее берегу. Расположен он на большом конусе выноса бокового притока — бурной горной речки.

Поливной земли в Язганде немного. Она расположена вокруг кишлака, а также неподалеку, на так называемом „Дашти-Маркад“ (Daşti Markad). В ущелье горной речки, а также ниже и выше по течению Хингоу, находятся богарные („под дождь“) посевы.

Язганд насчитывает в настоящее время 50 хозяйств; до революции там было около 40 хозяйств.

Якак-Паст, расположенный на северном склоне хребта Петра I (в Карагегине) — большой, скученный кишлак, насчитывающий сейчас 140 хозяйств, гораздо богаче Язганда землей, вследствие чего количество земли и сбор хлебов в среднем на хозяйство здесь гораздо выше. Он имеет избытки хлеба, вывозимые как теперь, так и раньше на продажу.

Собственной земли у ишана Султана в Язганде насчитывалось свыше 70 ман (1 ман можно считать приблизительно равным 1 га), а именно: на левом берегу Хингоу в „Молиуне“ было 60 ман, в „Дашти-Маркад“ (Daşti-Markad) — 5 ман, в „Чорионе“ (Çorjon) на склонах над Дашти-Маркад — 5 ман, в „Джегмоле“ (Çeçmol) на склонах по боковому ущелью — 2 мана, в „Хамби-Раджаб“ (Xambi-Raçab), еще выше по боковому ущелью, — 1 ман, у мазара „Лата-Бандак“ (Lata-Bandak), вниз по течению Хингоу, — 1 ман.

Каким же путем она попала к ишанам? Молиун, как уже известно, был дан ишану Аулио „мафлюкалям“; Дашти Маркад частично был дан язгандцами ишанам в назр, частично продан бедной; Чорион язгандцы дали ишану Шейху в назр, чтобы он их не притеснял и не брал лишних поборов; такими же путями были приобретены Джегмоль, Хамби-Раджаб и земля у мазара.

Чрезвычайно трудным представляется установить количество ишанской земли в других местах Вахио. Большое количество земли было в Дара-и-Джу, Лайруни-Боло и Арганкуне, причем частично эта земля также была получена ишанами в назр, а частично — скуплена у бедноты, попавшей в экономическую зависимость к ишанам.

В Якак-Пасте земельная собственность ишана Султана, повидимому, достигала 200—300 ман.

Хорошо известно, что ишаны приобретали землю и путем кабальных сделок, отбирая ее у бедноты в счет данной ссуды в виде скота, зерна или материи. Так, известен случай, когда ишан Султан за 3—4 карбоса приобрел $\frac{3}{4}$ мана земли. Ишан Султан насильно брал также землю для посева „временно“, на год-два, но на самом деле такая земля оставалась уже в его руках навсегда. Эта система практиковалась, например, в кишлаке Лайруни-Боло.

Все более и более приходится убеждаться в том, что институт танхо в Восточной Бухаре не регламентировал с полной точностью тех прав, которые имел феодал-„танхохур“ (tanhoxur), и тех обязанностей по отношению к феодалу, которые должны были нести дехкане, попавшие в танхо. Взаимоотношения между тем и другими в каждом отдельном случае складывались чрезвычайно своеобразно от простой ежегодной уплаты податей до полного закрепощения. Чем влиятельнее и сильнее экономически был феодал, тем больше требований предъявлял он к своим бына, т. е. дехканам, находящимся у него в танхо.

У ишана Султана требования танхохура соединялись еще в Язганде с его духовными прерогативами. Ишан Султан мог позволить себе такой жест, поднимавший его религиозный авторитет, как отказ от взимания со своих бына амалья (см. выше). Его бына обязаны были уплачивать ему только ушр, т. е. $\frac{1}{10}$ долю урожая. Ишаны декларировали повсюду, что сбор амалья, не предусмотренный шариатом, они считают „харом“ (haram) — „нечистым“. Но не следует забывать, что получаемый ишанами назр в десятки раз превышал тот амаль, от сбора которого они отказывались. Нам известно также, что каждый праздник обе мечети-прихода Язганда приводили ишанам в дар по одному барану.

Официально каждое хозяйство-„бына“ ишана Султана должно было нести следующие барщинные работы: один день в сезон пахать землю ишана на своих быках, один день жать, один день свозить урожай в кишлак, один

день косить траву, один день возить с гор топливо. Кроме того, все, имевшие лошадей и ослов, должны были ездить из Язганда в Гиссар за рисом, изюмом и, в случае предстоящих больших угощений или праздников, в Яхак-Паст за пшеницей. Лошадей брали также для перевозки семьи ишана и его приближенных.

Но если все сельскохозяйственные работы на землях ишана не успевали закончить в течение пяти регламентированных дней, то ишан устраивал „хашар“ (хаşар). В назначенный заранее день и час все дехкане должны были выходить на поле и сообща выполнять указанную работу. За это ишаном устраивалось угощение. Такие хашары ишан делал столько раз, сколько это ему было необходимо для окончания всех работ. Хашары применялись ишанами и в случае необходимости отремонтировать помещение, построить новое, собрать мост через Хингоу, связывавший Язганд с Молиуном, и т. п. Известно, например, что дехкане Сайдона ходили в Язганд собирать для ишана дрова, а для сельскохозяйственных работ в Лайруни-Боло посылались язгандские дехкане во главе с надсмотрщиком за работами — „динбеги“ (dinbegi) ишана. Кроме бына ишана на хашары созывались и другие его мюриды, не бывшие у него в танхо.

Обрабатывая все свои земли путем барщинного труда и хашаров и получая с дехканских земель еще $\frac{1}{10}$ часть урожая в форме ушра, ишан Султан извлекал еще и другую пользу от своих дехкан. Так, он давал дехканам, не имевшим зерна, семена для посева, вступая, таким образом, с ними в „товарищество“. Получивший семена, должен был при сборе урожая сначала отдать ишану $\frac{1}{10}$ собранного в качестве ушра, а затем еще половину оставшегося зерна „за семена“. При этом, если ишан оставлял всю солому от урожая дехканину, это считалось знаком расположения к последнему; в ряде случаев солома также делилась пополам. Так, ежегодно ишан Султан раздавал до 40 пудов зерна на семена. Отметим попутно, что этот же способ „шарикй“ (şariki) стало практиковать и нарождавшееся байство (например Хасан-бай в Язганде), но все же дехкане вступали в шарикй, главным образом с ишаном, как своим танхохуром и духовным наставником, причем иногда он давал еще своему „шарикйу“ какую-либо старую рубаху со своего плеча и т. п.

Всеми работами распоряжался динбеги, заведующий хозяйством, обычно родственник ишана Султана. Для определения и сбора ушра были заведены мушрифы, собиравшие дополнительно в свою пользу с каждого урожая по одному „табаку“ (tabaq — большое блюдо) зерна, равному 16 кг.

Осуществляя свое право танхохура или, по собственному его выражению, „калонтари мамлакат“ (kalontari mamlakat) — „старшего в округе“, ишан Султан считал себя владельцем выморочного имущества. Если после смерти хозяина дома не оставалось ни мужских потомков, ни дальних родственников, то за вычетом долей, принадлежавших жене и дочерям, имущество, т. е. землю и скот, ишан брал себе. Такой случай был, например, после смерти некоего Сохиб-Назара, но затем объявился какой-то дальний родственник последнего из Каратегина, все же сумевший отстоять свои права. В случае раздела — „тарака“ (taraka) — какого-либо имущества, ишан Султан, также на правах танхохура, брал „таракаона“ (tarakaona), т. е. $\frac{1}{40}$ делимого.

* * *

Следует особо остановиться на борьбе за землю между ишаном Султаном и дехканами в Яхак-Пасте, вылившуюся в ояд своеобразных конфликтов.

Эта борьба начинается при ишане Аулио в тот период, когда, повидимому, в Каратегин еще устремлялись значительные волны переселенцев. Мне уже пришлось говорить, что как в Калпак, так равно и в Яхак-Паст ишан Аулио привел с собой своих людей и сажал их на землю. Но если на месте современного Калпака ишан Аулио сам положил начало поселению — „обод кард“ (obod kard), то в Яхак-Пасте он столкнулся уже с наличием на месте старожилов. Эти последние в дальнейшей истории кишлака Яхак-паст получили прозвище „кыпчок“ (qарсоq), в то время как вновь пришедшие из Вахио стали называться „вахичами“ (вахiјосi).

Известно также, что, обосновавшись в Яхак-Пасте, ишан Аулио выселил его коренных жителей из кишлака, предоставив их дома и земли вахичам. Как показывает дальнейший ход событий, у нас есть все основания предполагать, что причина выселения кыпчаков заключалась в следующем. Получив Яхак-Паст в танхо, которое, как известно, дает право танхохуру собирать со своих бына установленные подати, ишан Аулио решил, что весь Яхак-Паст со всеми окружающими его землями является его личной собственностью, подобно тому как и основанный им Калпак. Вследствие такого взгляда на вещи он и стал приглашать в Яхак-Паст своих мюридов-вахичей и отводить им участки земли, предоставляя, по всей вероятности, еще не освоенную, но принадлежащую Яхак-Пасту целину. Приглашая их, ишан Аулио брал расписки в том, что они считают себя „сабзахур“ (sabzahūr), т. е. временными пользователями этой земли, платящими ишану ушр и выполняющими другие повинности, и по первому требованию ишана обязуются очистить занимаемый участок земли. Самый термин „сабзахур“, что значит „поедающий траву, зелень“, должен был напоминать вахичам, что они, подобно овцам на пастбище, лишь временно пользуются благами земли.

Естественно, что вахичи вынуждены были мириться с таким положением вещей и боялись протестовать. Но совсем по-другому стали реагировать кыпчаки, когда ишан предложил им считать себя пользующимися яхакпастскими землями также на правах сабзахур. (Нам представляется не совсем ясным, предьявлял ли ишан свои права лишь на вновь обрабатываемую кыпчаками целину, или же на все их земли, включая и обработанные до его прихода.) Нежелание кыпчаков согласиться на такие условия и привело, повидимому, к выселению их ишаном из их родного кишлака. Но каким образом ишан мог совершить безнаказанно это мероприятие, являвшееся незаконным даже и с точки зрения тогдашних феодальных понятий? Очевидно, все же лишь при прямом попустительстве шахов, смотревших сквозь пальцы на действия ишана. Недаром кыпчакам удалось снова вселиться в Яхак-Паст лишь после смерти ишана Аулио, уплатив за вселение шаху Музаффар-хану.

На этом дело не кончилось; потомки ишана Аулио при всяком удобном случае пытались вновь перевести кыпчаков на положение сабзахур, добиться того, чтобы кыпчаки признали себя лишь временными арендаторами принадлежащей ишанам земли. Из года в год земельный конфликт, естественно, становился все более острым, так как население кишлака увеличивалось, и кыпчаки вынуждены были поднимать все новые, не освоенные до сих пор, целинные пространства вокруг кишлака. Но именно эту целину, в первую очередь, считали своей собственностью ишаны, ибо доказывать свои права на ранее освоенную кыпчаками землю было почти невозможно, так как такие земли и по шариаду и по существовавшему обычному праву принадлежали тому, кто их обрабатывал.

Как только ишанам удавалось заручиться содействием со стороны каратегинских властей, они предпринимали выселение кыпчаков; существовал даже особый термин для таких случаев — „хызорондан“ (хызорондан) —

что буквально значит „поднимать“. Кыпчаки выселялись из домов, а в домах ломались двери и крыши. Все это ишаны производили руками вахиочей, посеяв, таким образом, сильную вражду между последними и кыпчаками.

Одно из таких выселений, предпринятых ишаном Султаном, память о котором хорошо сохранилась у населения, относится, повидимому, к 1914 г. Дело произошло следующим образом.

Ишан Султан обратился к гиссарскому „кушбеги“ (kuşbegi)¹ с просьбой решить в его пользу земельный конфликт, т. е. признать указанную землю за ним. По представлению кушбеги гиссарского к кушбеги в Бухару в Гиссар было вызвано человек двадцать кыпчаков на шариатский суд. На суде ишан не мог доказать своих прав; тогда он показал бумагу, согласно которой эмир отдавал Яхак-Паст в назр, в танхо, потомкам Аулио. Кози Мулла-Комиль судур истолковал этот документ таким образом, что было дано не только танхо ишанам, но и вся земля Яхак-Паста была пожалована им. После суда один из кыпчаков, некто Одина, был отправлен под арестом в Бухару, а трое других — Джалоль, Юнус и Хисори — арестованы в Дюшамбе. Всем остальным было заявлено, что они могут оставаться в Яхак-Пасте на положении сабзахур. Тогда трое кыпчаков — Зайнуддин Амон, Салим Сами и Мирзо Холь — отправились в Ташкент с целью обратиться за содействием к русским властям.

Тем временем прошла целая зима. Ранней весной, после того как кыпчаки отказались подчиниться требованиям ишана Султана, последний при содействии властей предложил кыпчакам покинуть Яхак-Паст в течение пяти часов. Все кыпчаки в дождливый и холодный день должны были покинуть свои дома вместе с женами и детьми, причем не было дано даже возможности испечь на дороге хлеба. Кыпчаки разбрелись по соседним кишлакам и временно нашли приют у родных и знакомых. Это происшествие вскоре стало известно и ходокам.

Ходатайство в Ташкенте не дало никаких результатов. Тогда кыпчаки разыскали одного чиновника — Илиос-тура, знакомого с нижним кушбеги Бухары (kuşbegi rojon).² При помощи подарков чиновникам они, наконец, попали к нижнему кушбеги, находившемуся в Якабаге; последний обещал, что через месяц он будет в Бухаре и устроит все дело. Но, придя в Бухару и отправившись к кушбеги, ходоки попали к главному кушбеги, родственнику кушбеги гиссарского. Тот накричал на них, назвал их склочниками — „игвогар“ (igvogar), сказал, что дело было решено в Гиссаре и не к чему было идти жаловаться русским, и грозился повесить их.

В это время к ходокам присоединилось еще 70 человек кыпчаков, выселенных из домов и пришедших на заработки. Все вместе решили идти жаловаться прямо эмиру.

Проведав об этом, ишан Султан, посоветовавшись с миром Каратегина, обратился снова к кушбеги гиссарскому, а последний написал своему зятю в Бухару, чтобы жалобщиков не пускали к эмиру. Когда кыпчаки хотели пробраться к эмиру, находившемуся в одном из загородных садов, они были задержаны стражей; произошла драка, в результате которой двое из кыпчаков оказались ранеными. К месту происшествия прибыл один чиновник, прочел жалобу и, увидав, что в ней в вполне почтительном тоне и без жалоб на главного кушбеги изложена просьба, разрешил кыпчакам дожидаться проезда эмира по дороге. Дождавшись эмира, кыпчаки подняли кверху жалобу и стали кричать „дод“ (dod).

¹ Кушбеги в Бухаре — первый министр эмира; гиссарский кушбеги — наместник эмира в Восточной Бухаре.

² Помощник главного кушбеги.

Жалоба была принята, через некоторое время вышло распоряжение удовлетворить просьбу, и спорная земля была разделена на две части, одна из которых досталась кыпчакам, а другая — ишану Султану. Кыпчаки вернулись в свои дома.

Приведенный факт показывает, что притязания ишанов на власть и могущество в Восточной Бухаре иногда вызывали опасения даже у бухарского правительства, в общем, конечно, покровительствовавшего этим феодалам.

Свои земли в Яхак-Пасте ишан Султан обрабатывал также при помощи барщинного труда своих танхо (куда входили и кыпчаки), хашарами, трудом сидевших на них вахиочей, а также сдавал в шарикй, предоставляя со своей стороны семена и землю и получая с арендатора половину урожая.

* * *

Весь хлеб, который собирался у ишана Султана в Язганде, складывался здесь же в амбар — „хазина“ (хазина) и потреблялся на месте. Он шел на угощение многочисленных гостей и на прокорм семьи ишана, дворовых и проживавших в Язганде мюридов. Из этого фонда ишан давал дехканам „навакй“ (navaki) — ссуду зерном до нового урожая (см. выше). Яхакпастская пшеница продавалась окрестным дехканам, а также обменивалась приезжавшим из Джаргаталя киргизам, причем от них приобретались ковры, переметные сумы — „хурджин“ (хуржин), намады и т. п. В других кишлаках-танхо в Вахио имелись отдельные амбары, но часть зерна из этих кишлаков отправлялась также в Язганд, в особенности ячмень, расходовавшийся на корм многочисленным лошадям. Известно также, что, например, в Сайдоне родственники ишана Султана, Музаффар-Шо и Суфи Куват, на которых были возложены хозяйственные функции в этом кишлаке, собирали с дехкан ушр, продавали его в Дарваз, а деньги доставляли ишану Султану.

В Язганде у ишана Султана был „об-джувоз“ (ob-çuvoz) — крупорушка; также — один об-джувоз и две мельницы в Гиссаре и одна мельница в Яхак-Пасте. На мельницах и об-джувозах с посторонних брали „музд“ (muzd) — плату зерном и рисом за помол.

Ишан Султан держал в Язганде несколько лошадей и верблюдов, 2 пары быков, 2 осла, сотню или две баранов и коз. В Яхак-Пасте ишан имел 3 пары быков, 10 хороших лошадей, 3—4 худших, 10 верблюдов, а впоследствии из Ферганы привели еще много верблюдов; мелкого скота не держали. В Гиссаре было до 200—300 баранов, до 20 кобыл. Часто бывало, что скот, особенно мелкий, расходился на различные подарки и пиршества, а потом постепенно пополнялся новыми приношениями.

Ишан Шейх, вообще лучший и более экономный хозяин, чем его сын, имел значительно больше скота, который перед смертью разделил между своими сыновьями. Так, в Язганде ишаны Шо-Рахматулло и Сулейман имели самостоятельное хозяйство. Ишан Шейх вместе с язгандскими дехканами пользовался общинными пастбищами и имел свою „капа“ (кара) — хижину на летнем пастбище; в ней проживали две женщины-служанки, доившие коров и коз ишана и обрабатывавшие молочные продукты. Ишан Султан же самостоятельного молочного хозяйства не вел.

Чрезвычайно характерно, что, будучи владельцем столь больших земельных пространств, с которых собирался богатый урожай, ишан Султан держал на своем дворе в Язганде лишь 4—5 плугов и такое же

количество кетменей, мотыг и лопат. Этим инвентарем пользовались дворовые люди ишана, обрабатывая его приусадебные земли, огороды и бахчи, где сеяли клевер, лук, кукурузу, арбузы, тыквы и т. п. Этот инвентарь по типу ничем не отличался от дехканского. Плуги делал местный мастер из кишлака Дашти-Хасан.

Здесь ярко выступает специфическая форма феодальной эксплуатации, когда при неразвитой технике крестьянин обрабатывает у феодала барщину со своим собственным инвентарем.

Вообще ремесленников в Язганде не было. Существовал лишь один кузнец, бывший в танхо у ишана Султана и обслуживавший как ишана, так и население. Он был освобожден от уплаты ушра и отбывания барщины; ишан Султан ежегодно давал ему по мешку пшеницы.

Часть продуктов и предметов домашнего обихода привозилась из Гиссара на дехканских лошадях и на верблюдах ишана. Сюда входили чай, сахар, изюм, свечи, рис, ткани. Ишан Султан имел несколько хозяйств танхо в кишлаке Джорф в Дарвазе. Эти хозяйства поставляли ему фрукты и хлопок.

Хозяйством ишана Султана ведал динбег (dinbegi), в руках которого были запасы. Он же, как уже указывалось, наряжал людей на хашар и другие работы. В этом последнем деле ему помогал „арбоб“ (arbob) — староста кишлака. Лошадьми ведал „саис“ (sajis). При ишане в Язганде постоянно жили девять-десять человек дворовых — „дусиор“ (dusijor), родом из других кишлаков. Они имели отдельные помещения — „хиджра“ (xidra), а часто и семьи, и получали пропитание и одежду от ишана. Ишан Султан любил сам лично устраивать браки своих дворовых, находил и давал им жен.

Ишан Султан не был чужд и торговых дел. Эти дела вел его язгандский поверенный — Хасан-бай. Хасан-бай сначала был бына ишана Султана и исполнял обязанности саиса. Затем ишан Султан освободил его от налогов и приспособил к торговле. Хасан-бай стал гонять баранов ишана в Коканд, а впоследствии стал вести и другие торговые операции. Из Коканда он привозил бухарское золото, „муяк“ (mujak) — шелковую нитку, шелк, атлас, сатин, тик. Ишан Султан оуставлял часть этих товаров для себя, а также для подарков и табарук, другую часть посылал с Хасан-баем в Афганистан, откуда в обмен доставлялись чай, патроны, ружья, рис. Чай затем продавался в Коканд. В Фергану гоняли также быков, которых ишан получал в назр или покупал у населения. Если ишан хотел у кого-либо купить быка, то извещал хозяина через своих людей, и сам назначал при этом цену. Возражать ему, естественно, не решались. Хасан-бай, пользуясь покровительством ишана Султана, стал и сам выгодно скупать скот и землю и завел свою торговлю. К моменту революции — это был крупный кишлачный бай.

* * *

Остановимся еще в кратких чертах на частной жизни ишана Султана. Ишан Султан имел несколько жен, из которых одна жила в Язганде, другая — в Яхак-Пасте, а третья — в Гиссаре. Сам он летом жил в Язганде, осенью в Яхак-Пасте, а зиму проводил в Гиссаре. Кроме одной дочери детей у него не было.

В Язганде у ишана Султана был дом — „хона“ (хона) обычного дехканского типа, в очаге которого приготавлилась пища, причем жена ишана сама, с помощью одной пожилой женщины, стряпала. В случае приезда гостей призывались на помощь еще одна-две женщины. В этом доме находились вся посуда и домашняя утварь. Но спал ишан Султан

в отдельном помещении — „куш-хона“ (kuş-xona), где были разостланы намады и одеяла. Поблизости была еще другая куш-хона, богато убранная коврами, предназначавшаяся для приема гостей. Кроме того, имелась отдельная моельня — хонако. Братья ишана Султана, каждый со своей семьей, имели отдельные куш-хона.

Всем домашним хозяйством, на правах старшей — „калонтари хона“ (kalontari xona), распорядилась жена ишана Султана, в то время как жены других братьев вышивали и помогали ей по хозяйству.

Вблизи помещений ишана находился фруктовый сад (в котором похоронены он сам и ишан Шейх), устроенный еще при ишане Шейхе на земле двух язгандских дехкан. Один из них дал землю ишану Шейху в назр, а у другого она была взята силой. В этом саду ишан Шейх и ишан Султан разводили павлинов; кроме того, они держали голубей и приручали для забавы медвежат.

Вставал ишан Султан очень рано, читал намаз, завтракал с приближенными, принимал посетителей. После завтрака он отправлялся в обход по хозяйству. Он любил смотреть на пахоту или жатву, поощряя работавших на него дехкан. Иногда ишан брал в руки плуг и проводил им несколько борозд на поле или же сжинал серпом небольшой участок посева. Все это должно было содействовать поддержанию общего мнения о „простоте“ ишана. После завтрака, состоявшего обычно из „крутоу“ (krutou) — тонкие лепешки, крошенные в растопленное масло с сывороткой, „шурбо“ (şurbo) супа, или „шила“ (şila) — вареный рис с молоком и маслом, — ишан Султан снова отправлялся по хозяйству или на прогулку, или проводил время за чтением книг, в беседах или религиозных спорах с духовными лицами.

Братья ишана распорядились на пашне или на других работах, а иногда и сами работали в саду, на огороде и т. п. Дусиоры должны были ухаживать за гостями, убирать дом, подавать обед.

Одевался ишан Султан в рубаху местного покроя, два-три халата из „сона“ (son) — белого бумажного материала бухарской или каратегинской работы, на ногах носил ичаги с калошами, на голове — тюбитейку и чалму. Его братья одевались проще, иногда ходили в деревянных калошах — „кауш“ (kaş), надеваемых на босую ногу.

В случае приезда знатных гостей, например, дарвазского бека или махрама из Бухары, ишан Султан заранее готовился к приему и выходил встречать гостей за один-два километра от кишлака. К другим чиновникам „сипо“ (sipoh) он выходил навстречу лишь к дверям дома.

* * *

Аулио и его потомки, достигнув власти и могущества в феодальном государстве как ишаны — представители духовенства, очень скоро становятся крупными феодалами, на ряду со светскими, и занимают в общей системе феодальной эксплуатации то же место, что и эти последние.

С течением времени они получают сперва от шахов, затем от наместников эмира все большее количество земельных наделов, а также и ленных хозяйств — танхо, и становятся феодалами-помещиками, ведущими самостоятельное крупное хозяйство. Присвоение прибавочного продукта производится путем взимания ушра (десятина урожая), натуральных поставок (дрова), использования дехканского транспорта, а также путем барщинных работ как регламентированных, так и нерегламентированных (хашар), начиная от обработки и уборки урожая и кончая мелкими работами по двору и дому. В эксплуатацию к ишанам попадали также и те дехкане, которые получали „ссуду“ зерном. Ишаны вступали в дли-

тельные конфликты с населением, посягая на исконно принадлежащую последнему и обрабатываемую им землю. Далее, присвоение прибавочного продукта шло путем взимания обильного назира с мюридов — продуктами питания, скотом, одеждой, землей и, наконец, живыми людьми.

Если духовное влияние и духовный авторитет содействовали созданию экономической мощи ишанов, то с течением времени последняя выдвинула их в первые ряды местной знати и привела к тому, что „босоногий ишан“ получил одно из высших званий феодальной Бухары — титул судура.

В предреволюционные годы, в связи с разложением натуральных отношений в Восточной Бухаре и проникновением отношений товарно-капиталистических, ишаны втягиваются в торговлю.

III. ИШАН СУЛТАН — ОРГАНИЗАТОР БАСМАЧЕСТВА

История гражданской войны в Таджикистане остается еще ненаписанной главой революционного движения в Средней Азии. Калейдоскоп событий целого десятилетия — 1921—1931 гг., героическая борьба Красной Армии, подвиги ее отдельных бойцов, постепенное пробуждение сознания трудящегося дехканства, освобождавшегося от идеологического влияния мусульманского духовенства, пытавшегося представить красных как грозную силу „неверных“ — „кофир“ (kofir), подвиги отдельных трудящихся дехкан в борьбе с басмачеством — все это требует еще кропотливого собирания, суммирования и критической обработки.

Хочется здесь указать лишь на то, что из года в год на местах меньше остается людей, бывших непосредственными свидетелями или участниками тех или других событий гражданской войны, а самые события стираются в памяти, утрачивается хронологическая последовательность, и факты в воспоминаниях принимают искаженный, неточный характер.

Все вышесказанное целиком относится также к истории гражданской войны в Дарвазе и Каратегине и, в частности, к тем эпизодам, в которых принимал непосредственное участие ишан Султан. Однако мне удалось все же, хотя бы в общих чертах, выяснить основные моменты гражданской войны 1921—1922 гг., непосредственно связанные с деятельностью ишана Султана.

Некоторую ориентировку в датах тех или других событий (например бегство эмира, гибель Энвер-паши и т. п.) дает очерк Ди-Мура „Гражданская война в Таджикистане“.¹

Зиму 1920/21 г. эмир Сеид-Алим-хан, бежавший из Бухары, проводит в Дюшамбе. Сюда к эмиру съезжаются вся феодальная знать и крупное духовенство Восточной Бухары. Вполне естественно, что и ишан Султан был в числе прибывших в Дюшамбе. Здесь он получает от эмира титул „судура“, вероятно, также и соответствующие инструкции. Здесь вырабатываются планы дальнейшей борьбы с Красной Армией; эмир, готовясь бежать за рубеж, милостями и лаской старается завербовать верных себе людей, создать оплот контрреволюции.

Но красные части идут вслед за эмиром и 21 февраля 1921 г. занимают Дюшамбе. Эмир бежит в Афганистан, а ишан Султан возвращается к себе на родину, в Язганд, и начинает лихорадочно готовиться к войне.

Из Дюшамбе ишан Султан привез оружие. В Тавильгаре и Чильдаре он собрал местное чиновничество (Кози Курбон, Ниоз Туксаба, Акбар Туксаба, Сеидали Урак и др.) и провозгласил священную войну — „газо“

¹ Сборник „Таджикистан“, Ташкент, 1925.

(сжазо), обязательную для всех мусульман. Сам он сначала вооружает 50 человек своих мюридов, а затем количество его джигитов растет.

Очень скоро после занятия Дюшамбе в Гарм пришел оренбургский кавалерийский полк под командой Меркулова, известного впоследствии у местного населения под именем Якуб-тура. Это был необычайно смелый рейд Красной Армии, принужденной действовать в условиях горной местности, в стране полного бездорожья, где каждая скала могла явиться убежищем басмачей.

Вся долина Сурхоба выше Гарма была во власти басмачей — Фузайла Максума и Лоика Пансата, в то время как за хребтом Петра I, в Вахио, собирал силы ишан Султан.

Следующим событием является вооруженная вылазка ишана Султана к Гарму. На холмах Моля-и-Хазор (Molaji Nazor), на левом берегу Сурхоба, происходила борьба, окончившаяся полным поражением басмачей. Ишану Султану едва удалось спастись бегством с немногочисленными приближенными. После этого ишан, пытаясь запереться в долине Хингоу, выставляет свои посты на перевале Камчарак, ведущем из Гарма в Чильдару, а также под перевалом Яфуч. Красные войска переходят через Яфуч, но встречают на попусских „оврингах“ (тропа, проложенная по искусственному карнизу), разрушенных басмачами, непреодолимое препятствие. Басмачи держат под обстрелом узкую тропу, и малейшая попытка пробраться вперед стоит красноармейцам больших потерь.

Вернувшись затем в Гарм, красные части вскоре предприняли новое наступление, уже через Камчарак. Здесь, на крутом спуске южного склона хребта Петра I, произошла новая битва с басмачами, которыми командовал Носир Туксаба. Басмачи были рассеяны, а сам Носир убит. Красные заняли Чильдару, а затем и Язганд и простояли в последнем пять суток, так как мост через Хингоу, единственный путь в Тавильдару, был разобран басмачами.

С помощью населения мост удалось вновь собрать, и красные заняли Тавильдару. Здесь при перестрелке были убиты некоторые главари местного басмачества — Мирзо Набот, Бузург и др.

Дальнейшие события представляются несколько неясными. По словам некоторых рассказчиков, красные войска, недолго задержавшись в Тавильдаре, двинулись дальше на юго-запад, в Ях-Су и Куляб. Другие рассказывают, что красный отряд в Тавильдаре был оповещен о том, что на Гарм сделали налет матчинские басмаческие банды. В Гарме был оставлен небольшой гарнизон, состоявший из 60 человек пехоты. Красные части должны были срочно вернуться в Гарм, на выручку указанного гарнизона. Возможно, что лишь часть отряда вернулась в Гарм, а другая часть направилась, действительно, в Куляб.

После очищения красными Тавильдары, ишан Султан, бежавший в Сагырдашт, снова возвращается в Тавильдару и вновь разрушает мост через Хингоу.

Вскоре красное командование предлагает басмаческим главарям — Фузайлю Максуму и ишану Султану отказаться от дальнейшей вооруженной борьбы.

Фузайль категорически отказался от предложения прекратить борьбу против советской власти, а ишан Султан согласился на переговоры. Для переговоров в Язганд приехал небольшой красный отряд.

Находясь в Тавильдаре, окруженный чиновничеством и своими мюридами, ишан Султан все же был очень напуган отрядом красных бойцов, расположившихся на другом берегу реки. Он предложил перенести переговоры выше по течению, надеясь, таким образом, отдалить красных от их основной базы — Гарма. Переговоры состоялись в 20 км выше

Тавильдары. Ишан Султан приехал в кишлак Маргак, на левом берегу Хингоу, а красный отряд расположился в кишлаке Сайод, напротив Маргака. Переговоры производились путем послышки представителей с той и другой стороны; в конце концов, командир отряда переправился на плоту к ишану. Произошел обмен подарками, причем ишан, будто бы, подарил командиру свой чакман, не проницаемый для пуль. Этот чакман ишан Султан, якобы, всегда надевал в бой, а вечером вываливал из-за пазухи пригоршню пуль. Последний факт показывает, какой идеологической обработке подвергались со стороны ишанов, духовенства и басмаческих главарей население и рядовые джигиты, которым старались внушить уверенность в непобедимости ишана.

Дальнейшие события показывают, насколько искренни были мирные заверения ишана Султана. В августе 1921 г. красные войска очищают Каратегин. Гарм занимает Фузайль Максум. Наступает критический момент борьбы. В декабре басмачи осаждают красных в Дюшамбе, в феврале 1922 г. красные войска отходят к Байсуну. Во главе басмачей становится Энвер-паша, турецкий авантюрист.

Зиму 1921/22 г. ишан проводит в Гиссаре; он ведет борьбу с Красной Армией, выступает посредником в трениях между басмаческими главарями — Ибрагим-беком и Энвер-пашой. Ишан берет на поруки Энвер-пашу, арестованного Ибрагим-беком и примиряет обоих во имя общего дела.

Ибрагим-бек назначает в Каратегин своего представителя — Рахматулло додхо с небольшим отрядом. Но вскоре Фузайль Максум бежит из Гиссара в Каратегин и восстанавливает там свою власть. Ишан возвращается в Тавильдару.

Тем временем красные войска переходят вновь в наступление (с 15 июня), захватывают Курган-Тюбе, Куляб, очищают от басмачей весь западный Таджикистан. В ночь на 4 августа в решительном бою с красными гибнет Энвер-паша.

Ишан Султан был очень опечален смертью Энвера. Можно предполагать, что помимо личной дружбы, их связывавшей, ишан понимал, что Энвер был одним из тех лиц, которые могли объединить все басмаческое движение в своих руках.

Та же причина, очевидно, лежала в основе забот и внимания, которые оказал ишан Султан новому эмирскому посланцу из Афганистана, сотруднику Энвера — Хаджа-Салим-Бею (Сами-паша). Ди-Мур пишет, что Сами-паша „принялся за работу по объединению разрозненных басмаческих шаек со всей энергией, не останавливаясь перед репрессиями“. Но уже самому ишану Султану, повидимому, не очень доверяли. Он скомпрометировал себя в глазах басмачей прошлогодними переговорами с красными; но еще большую подозрительность среди главарей басмачества вызвало коварное убийство им одного из этих главарей — Акбара Туксаба, после чего стало ясным, что на пути к завоеванию политической власти ишан Султан не остановится ни перед чем.

События осени 1922 г. разворачивались следующим образом.

Сами-паша перешел границу около Кала-и-Хумба, где был задержан дарвазскими басмаческими главарями Диловаршо и Гайратшо. Узнав об этом, ишан Султан отправился в Кала-и-Хумб, освободил Сами-пашу, и они вместе вернулись в Язганд. Рассказывают, что по приезде в Язганд новыми друзьями было решено укрепить Язганд и создать там склад оружия и военную базу. Сами-паша привез с собой несколько больших ящиков, объявив, что в них находятся оружие и патроны. Ящики были сложены в „кур-хона“ (qur-xona)¹ и охранялись усиленным караулом. Ишан

¹ Склад оружия.

Султан устроил гостям пышный прием; он решил в знак дружбы женить их на язгандских девушках. Выбор ишана пал на двух девушек, лет 7—8, одна из которых была выдана замуж за Кодыра-эфенди, другая — за Исмаила-эфенди; оба были турками, сподвижниками Сами-паши. Одна из девушек приходилась внучкой Изатшо. Отец ее протестовал против этого брака, за что был арестован и подвергнут всяческим издевательствам.

Вскоре Сами-паша сказал ишану, что он решил съездить в Каратегин к Фузайлю Максуму, чтобы, вернувшись вместе с последним, договориться всем троим о совместных действиях против красных. После его отъезда было обнаружено, что ящики, привезенные Сами-пашой, содержат не оружие, как уверял последний, а набиты папиросами, бумагой и различным платьем.

В это время ишану Султану, будто бы, стало известно, что Акбар Туксаба, сын Махмад-Амин-бия из кишлака Сары-Дашт, сговорился с Гайратшо и Диловаршо и написал Сами-паше и Фузайлю письмо, в котором извещает их о тайных намерениях ишана перебить всех своих соперников и стать самому верховным правителем. Это письмо, якобы, было перехвачено в Чильдаре и привезено ишану Султану в Язганд. Так ли это было или нет — в точности неизвестно. Во всяком случае, ишан Султан решил покончить с Акбаром. Для этой цели он послал к Акбару гонца с просьбой приехать в Язганд на праздник — „туй“ (tūj) по поводу выдачи замуж дочери его сестры за сына ишана Якобира из Зыгара, своего дальнего родственника. Акбара со спутниками пригласили в куш-хона, где было устроено угощение, во время которого джигитами ишана он был схвачен и задушен. Труп бросили в реку.

Вскоре после этого в Каратегин из Ферганской долины, теснимый красными частями, пришел ферганский басмач Шер-Мухамед или, как его называли, Кури-Шермат (слепой Шермат). Неизвестно — нежелание последнего подчиниться Сами-паше и согласовать с ним свои действия или какая-нибудь другая причина повели к тому, что между Сами-пашой и Фузайлем, с одной стороны, и Кури-Шерматом — с другой произошла близ Гарма стычка, в результате которой Кури-Шермат со своими людьми поспешно бежал через Камчарак, преследуемый буквально по пятам Сами-пашой. Находившийся в это время в Язганде ишан Сулейман, брат ишана Султана, дал свободно пройти Кури-Шермату нижней дорогой мимо Язганда, лишь затем двинувшись со своими людьми вслед за ним.

В Тавильдаре состоялось свидание ишана Султана с Кури-Шерматом. Рассказывают, будто бы Кури-Шермат предупредил ишана о грозившей последнему со стороны каратегинских союзников опасности, что Сами и Фузайль решили убить ишана, и предложил ему вместе немедленно бежать в Афганистан.

Вероятно, ишан Султан не сомневался в дружеских отношениях к нему со стороны Сами-паши и Фузайля. Во всяком случае, поражает его крайняя беспечность. Он посмеялся над словами Кури-Шермата, отпустил его и велел брату Сулейману проводить его до Сагырдашта.

Сами-паша, преследуя Кури-Шермата, пришел в Тавильдару. Фузайль тоже явился в долину Хингоу, но через перевал Люли-Харви. Рассказывают, что ишан Султан, не подозревая ничего, будто бы даже приготовил обильное угощение для Сами-паши и его людей. Заняв Тавильдару, Сами-паша немедленно арестовал ишана Султана, а люди Фузайля захватили его брата — ишана Сулеймана и привезли в Тавильдару.

Затем союзники двинулись в погоню за Кури-Шерматом. Ишан Султан со связанными руками был посажен на неоседланную лошадь, и его повезли вслед за войском. Союзникам удалось захватить в Кала-и-

Хумбе только арьергард Кури-Шермата, переправлявшийся через р. Пяндж. Сам Кури-Шермат с большинством своих джигитов ушел в Афганистан.

Люди Сами-паши разграбили дом ишанов в Язганде, забрали все ценное, снимая платья и украшения с женщин, и, арестовав также третьего брата ишана — Шо-Рахматулло, его самого и все имущество привезли в Тавильдару.

Главари басмачества Сами-паша, Фузайль и Донайор собрали в Тавильдару все чиновничество, мулл, казиев и муфтиев и устроили над ишанами суд по шариату. Ишан Султан и ишан Сулейман были обвинены в том, что 1) предались красным, 2) убили Акбара и 3) пропустили Кури-Шермата, и приговорены к смертной казни. Их обоих повесили на площади в Тавильдаре.

Казнь ишанов была совершена поздней осенью 1922 г. Но и дни басмачества в горном Таджикистане были сочтены. Всего несколько месяцев удалось продержаться басмачам в Каратегине, Дарвазе и Вахию; 18 июня 1923 г. красными частями был вновь и уже окончательно занят Гарм, в первых числах августа — Тавильдара, а 11 августа — и столица Дарваза Кала-и-Хумб.¹ Дарваз и Каратегин стали советскими.

---

¹ См. документы №№ 9 и 10 в работе А. А. Семенова, „Краткий грамматический очерк таджикского языка“, Ташкент, 1927, стр. 26—28.